

Константин Арсеньев

Беллетристы последнего времени

Константин Арсеньев

Беллетристы последнего времени

«Public Domain»

1887

Арсеньев К. К.

Беллетристы последнего времени / К. К. Арсеньев — «Public Domain», 1887

ISBN 978-5-457-13685-4

«В наше время едва ли найдется такой читатель — тем менее такой критик, — который стал бы измерять достоинство произведения его длиною. Никто не сомневается в том, что старинное французское изречение: «un sonnet sans défaut vaut seul un long poème» — вполне применимо и к прозе, что самый небольшой набросок может иметь высокую художественную ценность. Альфонс Доде прославился как автор «Contes du Lundi», не написав еще ни одного романа; известность Мопассана основывается преимущественно на его мелких рассказах. Привычке не считать, а взвешивать строки у нас, русских, должны были положить начало уже повести Белкина...»

ISBN 978-5-457-13685-4

© Арсеньев К. К., 1887

© Public Domain, 1887

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Константин Константинович Арсеньев

Беллетристы последнего времени

А. П. Чехов. – К. С. Баранцевич. – Ив. Щеглов.

В наше время едва ли найдется такой читатель – тем менее такой критик, – который стал бы измерять достоинство произведения его длиной. Никто не сомневается в том, что старинное французское изречение: «un sonnet sans défaut vaut seul un long poème»¹ – вполне применимо и к прозе, что самый небольшой набросок может иметь высокую художественную ценность. Альфонс Доде прославился как автор «Contes du Lundi»², не написав еще ни одного романа; известность Мопассана основывается преимущественно на его мелких рассказах. Привычке не *считать*, а *взвешивать* строки у нас, русских, должны были положить начало уже повести Белкина. Не в объеме рассказов г. Чехова нужно искать, следовательно, разгадку тому, что о них мало говорили наши журналы и газеты; еще меньше это зависит от места первоначального их напечатания. Появляясь в газете, читаемой или просматриваемой второпях, случайный, отдельный очерк рискует, иногда, остаться мало замеченным или недостаточно оцененным; но для целого ряда очерков, сколько-нибудь талантливых, этот риск весьма невелик, особенно если газета принадлежит к числу больших и распространенных. Он исчезает совершенно, как только очерки соединяются в *книгу*, для читателей которой совершенно безразлично ее происхождение. Напрасно было бы также связывать невнимание к г. Чехову с нерасположением к тем органам печати, в которых он обыкновенно помещает свои рассказы. Эта связь могла бы существовать разве в таком случае, если бы написанное г. Чеховым отличалось специфическим характером, свойственным известной прессе {...если бы написанное г. Чеховым отличалось специфическим характером, свойственным известной прессе... – Очевидный намек на дурную репутацию газеты «Новое время», где печаталась большая часть рассказов Чехова, вошедших в сборник «В сумерках».}, если бы оно носило на себе следы соседства с нравственной распущенностью, с полемическими приемами низшего сорта; но мы увидим, что ни в чем подобном г. Чехова упрекнуть нельзя. Мало-численность и краткость отзывов, доставшихся, до сих пор, на его долю, объясняется, как нам кажется, гораздо проще. Критический отдел наших периодических изданий давно уже не претендует на полноту, давно уже представляет пробелы, пополняемые более или менее случайно, по прошествии более или менее значительных промежутков времени. Серьезным пробелом, притом, можно было бы считать только молчание критики о втором сборнике г. Чехова («В сумерках»), вышедшем в свет весьма недавно. Мы никак не можем согласиться ни с теми, кто отрицает развитие дарования г. Чехова и готов видеть в последних его произведениях «начало конца», ни с теми, кто одинаково восхищается всем вышедшим из-под его пера. Первый сборник г. Чехова – «Пестрые рассказы» – стоит, в наших глазах, несравненно ниже второго. Мы коснемся его лишь настолько, насколько это нужно чтобы осветить шаг вперед, сделанный писателем.

Небольшим рассказам, особенно когда они пишутся на срок и ввиду заранее определенной, тесной рамки, часто угрожает превращение в «анекдот», т. е. в нечто совершенно чуждое искусству. Задача анекдота исчерпывается пересказом курьезного или забавного факта, сочиненного или списанного с натуры; цель его кажется достигнутой, если читателей

¹ «Совершенный сонет стоит целой поэмы» (фр.). – Из «Поэтического искусства» («L'art poétique» Н. Буало-Депрео (песнь 2)). – *Ред.*

² «Рассказов по понедельникам» (фр.). – *Ред.*

удалось насмешить или занять, хотя бы самыми первобытными, даже грубыми средствами. Из-за «происшествия» в анекдоте почти не видно действующих лиц; речь идет не о том, чтобы нарисовать картину или изобразить душевное настроение, а исключительно о том, чтобы подобрать занимательную комбинацию обстоятельств. Как бы ловко ни были переданы анекдоты и сколько бы их ни было нагромождено один на другой, они неминуемо и заслуженно осуждены на забвение, разве если очень уж велика известность лица, к которому они относятся. В «Пестрых рассказах» г. Чехова преобладает именно элемент анекдотический; значительно большая их часть могла бы остаться похороненной в летучих газетных листках, без всякой потери для русской литературы и для самого автора. Легковесный, рассчитывающий только на минутное любопытство, анекдот мало заботится о естественности, о вероятности; его пикантность коренится сплошь и рядом именно в его несообразности. Не слишком-то правдоподобно, например, чтобы двум учителям прогимназии пришла в одно и то же время мысль украсить свою грудь непринадлежащим ей орденом и с этим украшением отправиться на званый обед; но положение обоих самозванцев, неожиданно очутившихся друг против друга, может вызвать улыбку – и г. Чехов пишет рассказ: «Орден». Еще менее правдоподобно, чтобы чиновники какого-то присутственного места условились называть карточных королей, тузов и дам именами высших должностных лиц города и их супруг, чтобы игроков застиг врасплох их главный начальник и чтобы, увлекшись остроумной выдумкой, он тут же сел играть с изобретателями и провел с ними за картами целую ночь; но je toller, desto lieber³ – и г. Чехов пишет рассказ: «Новинка». Совершенно невозможно, чтобы на эстраде клуба, даже самого наипровинциальнейшего, была произнесена речь «о вреде табака», влагаемая г. Чеховым в уста Маркела Ивановича Ньюхина; но невозможное бывает иногда смешным – и ради смешного г. Чехов не отступает перед невозможным. Понятно, что комизм получается в таких случаях очень невысокий. Еще ниже он опускается тогда, когда к невероятности присоединяется скабрёзность, как, например, в рассказе «Дочь Альбиона». Спешим прибавить, что этим последним недостатком г. Чехов грешит очень редко.

На одном уровне с анекдотами, напоминающими поговорку: «Не любо, не слушай...», стоят другие, в содержании которых нет ничего неправдоподобного, но слишком много заурядного. Санитарная комиссия, конфискующая гнилые яблоки и потом закусывающая ими («Надлежащие меры»); рыба, забившаяся под корягу и вытаскиваемая оттуда сначала плотниками, потом пастухом, потом самим барином («Налим»); фельдшер, безуспешно старающийся вырвать зуб у дьячка («Хирургия»); помещик, едущий на выборы и поворачивающий назад вследствие встречи с зайцем («Не судьба»); чересчур веселые присяжные поверенные, попадающие по ошибке в чужую дачу («Заблудшие») – все это, пожалуй, забавно, но забавно на манер послеобеденных рассказней, потешающих маловзыскательную и смешливо настроенную публику. Мы встречаемся здесь и с такими фамилиями, как Ахинеев, Мзда, Трамблян, Падекуа (последними двумя именуются, как и следовало ожидать, учителя французского языка), и с Пятисобачьим переулком, и с селом Блины-Съедены; на помощь ослабевающему остроумию призываются «смешные словечки», смешные сопоставления слов... От времени до времени автор старается уже не позабавить, а тронуть или потрясти читателей, но это ему редко удается, потому что склад рассказа все-таки остается, большею частью, анекдотический. Разница заключается в том, что вместо «происшествия» смехотворного берется «происшествие» страшное – например зимняя буря на море, лодка, погибающая среди льдин, дурачок, ищущий в смерти избавления от мучительной боли («В рождественскую ночь»). Жена, рассчитывающая на гибель нелюбимого мужа, внезапно видит его перед собою. У нее вырывается пронзительный вопль, в котором «слышалось все: и заму-

³ чем сумасброднее, тем милее (нем.). – Ред.

жество поневоле, и непреоборимая антипатия к мужу, и тоска одиночества, и, наконец, рухнувшая надежда на свободное вдовство». Автор, очевидно, усиливается быть патетичным, но результатом его усилий явилось только нечто в роде пародии на крик Тамары в Лермонтовском «Демоне». Мелодрама заканчивается, как и быть надлежит, катастрофой и метаморфозой: постылый муж добровольно идет на смерть, а в сердце жены, пораженной его великодушием, ненависть внезапно уступает место любви. В «Вербе», в «Горе», в «Старости» меньше претензий, но психология автора остается до крайности элементарной, и рассказ соприкасается по временам с дневником происшествий.

Есть, однако, и в первой книге г. Чехова страницы совершенно другого рода. Над обычным уровнем стоят уже те рассказы, в которых анекдот переплетается с картинкой нравов, и действующие лица перестают быть *только* марионетками, гримасничающими и кривляющимися на потеху нетребовательных зрителей. Таково, например, изображение мирного уголка, встревоженного вестью о скором прибытии важной особы и готовящегося пленить ее стройным церковным пением («Певчие»). Особа приезжает... и выражает желание, чтобы обедня, ради скорости, была отслужена без певчих. Противоположность между предшествующей суетой и последующим разочарованием производит истинно комическое впечатление, достигаемое без всяких усилий со стороны автора. Очень недурны также рассказы: «У предводительши», «Оба лучше», «Пересолил», «Комик»; и здесь источник комизма заключается в контрасте, не притянutom за волосы, но вполне естественном и жизненном. Хорошо удаются автору и очерки детской психологии («Кухарка женится», «Детвора»), но всего выше поднимается он тогда, когда рисует душевное состояние, когда средоточием рассказа служит не «происшествие», а момент – комический или трагический, это все равно – из внутренней жизни человека. В «Сонной одуре», например, мы точно видим собственными глазами залу судебных заседаний, над которой царит безнадежная, непроходимая скука, – и для нас понятны смутные образы, навеваемые ею на дремлющего адвоката. В «Злоумышленнике» чрезвычайно живо обрисован крестьянин, сделавшийся преступником сам того не зная и не понимая. В «Тоске» трогательна фигура извозчика, удрученного горем и напрасно ищущего, кому бы его поведать.

Во втором сборнике г. Чехов уже почти не сходит с той дороги, на которую он вступил в лучших из числа «Пестрых рассказов». Совершенно свободными от анекдотического элемента «Сумерки» назвать нельзя, но он выступает на сцену сравнительно редко и в форме более изящной и тонкой. Так например, в основании «Недоброго дела» бесспорно лежит анекдот, но он вставлен в красивую оправу непроглядно-темной ночи и центром тяжести его служит не столько «происшествие» – ловкий обман, жертвой которого сделался кладбищенский сторож, – сколько мрачный юмор, звучащий в речах обманщика. В «Пустом случае» из-за охотничьего приключения выглядят довольно рельефно очертания фигуры захудалого князька и женщины, безнадежно в него влюбленной. В «Врагах» необычайное стечение обстоятельств – у одного из действующих лиц умирает единственный сын, другого в то же самое время бросает жена – не вполне заслоняет собою контраст между двумя противоположными натурами, между представителями двух общественных групп, скрытая неприязнь которых всегда готова вспыхнуть и вырваться наружу. Необычайно также и «происшествие», о котором повествует очерк: «В суде»; конвойный солдат оказывается сыном подсудимого, и последний внезапно обращается к нему, как к свидетелю, могущему разъяснить один из спорных пунктов дела. Достоинству очерка это, однако, не вредит нисколько, потому что автор сумел сосредоточить внимание читателей не на неожиданном эффекте, а на картине судебного разбирательства – на сонном, вялом равнодушии, среди которого решается судьба человека. Кому дорог наш новый суд{...наш новый суд... – Буржуазное судопроизводство и судопроизводство, утвердившееся в России в результате судебной реформы 1864 г.}, тот почувствует, быть может, невольное раздражение против автора, выставляю-

щего его в таком печальном виде; но стоит только спросить себя, *возможно* ли такое отношение к делу, какое изложено г. Чеховым, – и придется дать утвердительный ответ, оправдывающий автора. Он не сочиняет, не возводит случайный факт на степень общего правила, а просто показывает то, что *иногда* бывает в действительности. Нет такого важного, торжественного действия, которое не могло бы войти в привычку, потерять свой внутренний смысл и принять рутинный характер. Зеркало, отражающее его таким, каким оно есть, ни в чем не виновато; оно только напоминает об идеале, по временам упускаемом из виду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.